

ПО-РАЗНОМУ РОЖДАЮТСЯ ПОЭТЫ

Когда в студенческие годы одному начинающему поэту попался сборник стихов великого Пабло Неруды, он был ошеломлен, потрясен и чувствовал себя словно космонавт, впервые вышедший в открытый космос. А потом взял ученическую тетрадь, выписал строфы великого и, перечитывая их, думал: «А я так смогу?»

По-разному рождаются поэты.

Иногда кажется, что жизнь — вся — уже заранее расписана по строчкам.

— Я родился в сорок первом году, и это отразилось и на всей моей жизни. До сих пор не могу привыкнуть, что в анкете приходится писать: «Год рождения — 1941». Я помню, как ждали тех, кто ушел на фронт из моего родного села Караязы. Многие не вернулись, и я навсегда сохранил одно воспоминание: в селе вдруг появился фотограф — и все бросились к нему, словно за живой водой, словно к человеку, умеющему возвращать жизнь и память. Со всех стен в домах погибших смотрели на входящего увеличенные фотографии: молодые глаза, молодые красивые лица — люди этого поколения всегда кажутся нам красивыми. В поэме «Увеличенные фотографии» я попытался потом рассказать об этом...

Одно из самых выразительных стихотворений Исы Исмаилзаде — недаром оно неизменно привлекает внимание переводчиков — это «Мне игрушек никто не дарил никогда...» В нем, как в современном кинематографе, совмещаются два плана, два времени, и вот взрослый человек ведет за руку в «Детский мир» свое детство — себя самого мальчишкой, и тот, возвращаясь, раздает друзьям эту яркую, ликующую, разноцветную пластмассовую радость, и ничего, если игрушечные машины забуксуют, а самолет вонзится в кусты: «все равно буду счастлив! Причины просты: мое детство не зна-

ло такой красоты!» И здесь — такая же точная, острая, незаживающая память, как об увеличенных фотографиях:

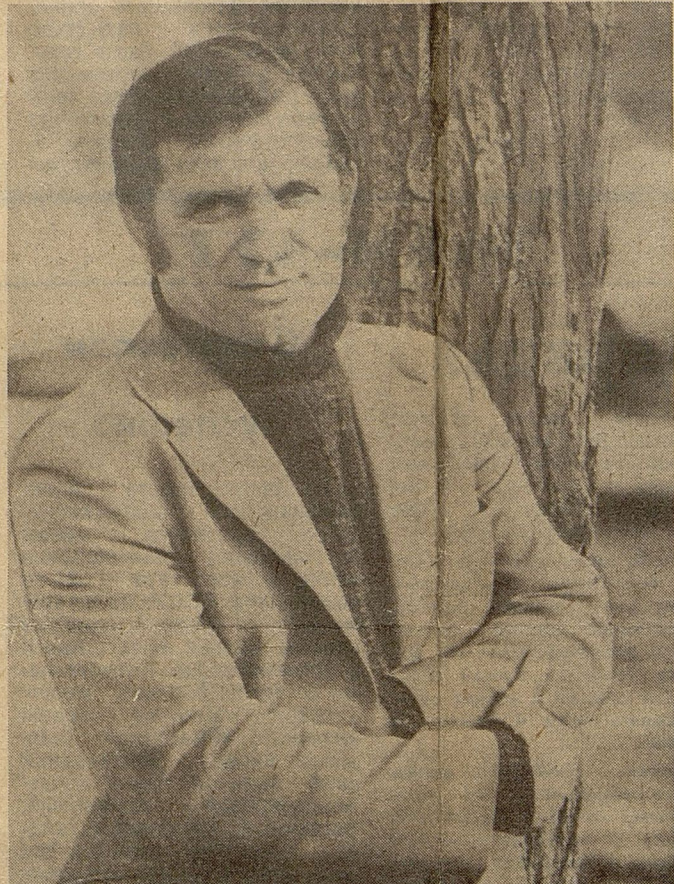
Мне игрушек никто
не дарил никогда...
Мои камни-игрушки
асфальтом покрыты.
из игрушек — арыков
исчезла вода,
и сгорели игрушки —
дрова без следа...
Только мною они
не забыты.

Видимо, память о войне и обо всем том, что стояло за ней, и делает такой особенной поэзию и стихи Исы Исмаилзаде. Нет таких литературоведческих терминов, как «честность», «совестливость» (перед словами о родине, о матери, о земле, о том, что должно дожидаться своего часа и говорить только при внутренней необходимости); но именно эти черты определяют поэзию, которая не терпит пошлости, фальши, игры в слова и чувства. Поэзия Исы Исмаилзаде застенчива, она стыдится фраз и не терпит эффектов. Об этих стихах можно сказать, как о человеке: с ними можно пойти в разведку. И хотя эти слова мы говорим вроде в шутку, они очень четко определяют для нас главное в людях — и разделяют их. Стихи эти не прямолинейны — при всей их внутренней устойчивости. В них есть подвижность и гибкость — но это не сговорчивая гибкость резины, — это изменчивость, «текучесть» и гибкость реки, изменчивость мира под солнцем и дождем, и вечная — «деревенская» — тревога за него:

...я не решался выйти
за порог,
смотрел в окно сквозь
дождевую мглу
и только лишь питать
надежду мог.

И вдруг услышал крик
души моей:

— Поток
цветы уносит меж камней!..

...Увижу я: там,
где ударил гром,
деревья выворотил
бурелом,
и широко раскрытые
глаза
испуганных,
ошеломленных роз
увиджу я...
Их потрясла гроза,
ко мне направлен
их немой вопрос.
Мне позвонит и спросят,
как я спал,
не разбудил ли меня
ночью шквал.

Но ведь никто
не спросит о цветах...

Умение остро видеть мир, отвечать перед ним, запомнить взгляд уносимых потоком цветов — в этой сверхчувствительности к звучащему и беззвучному миру весь Иса Исмаилзаде. «Дорожной

пылью бредят башмаки» — это Иса Исмаилзаде. Сны бабочки и сны-поезда, детское дыхание фонарей в спящем усталом городе; стареющий, но все еще неистовый ветер — Дон Кихот и поспевающий вслед за ним тихий ветерок — Санчо, холмы родного Караязы, словно оседланные кони («Небо, тикнув, серебряным хлестким кнутом по спине меня вытянет, чтоб жил горячий»); горсть нахичеванской, обожженной солнцем земли («был я этой горсткой словно согрет») — это все Иса Исмаилзаде. И обычную городскую комнату он увидит, конечно, не нашими глазами: «Как площадь комната, а я тоскую. Пусть стены станут чуть тесней друг к другу, к ним иногда смог щекой прижаться».

Лауреат премии Ленинского комсомола республики, удостоенный этого звания за книгу стихов «Светлые листья» и за поэмы «Увеличенные фотографии» и «Пусть бьется пульс Земли», Иса Исмаилзаде сегодня — заместитель главного редактора журнала «Азербайджан», он — участник международных совещаний молодых писателей, всесоюзного фестиваля поэзии. Первые стихи Исы Исмаилзаде были напечатаны в молодежной газете ровно двадцать лет назад, а самое первое стихотворение Исы написал восьмиклассником из чувства соперничества... тогда — со своим одноклассником: он может, а я?! Первое стихотворение «на публику» он читал на сцене сельской школы, стоя... на стуле: поэт был мал ростом, и сочувствующая публика заботливо подставила ему этот пьедестал — чтоб всем было хорошо видно и слышно... Семья — обычная деревенская многодетная семья: «Мама у меня была неграмотной, но народную поэзию, баяны знала хорошо — я их и сегодня очень люблю... Отец всю свою жизнь работал и всех своих детей приучал к честному и нелегкому труду — по-другому он свою жизнь не представлял... Помню еще одно яркое впечатление детства: выступления ашугов. Мне они казались необыкновенными людьми, умеющими все: петь, декламировать, играть, на ходу перекидываясь короткими сатирическими стихами «на злобу дня». Все это поражаало мое воображение, и я был очень горд, когда отец сказал, что и в нашем роду, в каком-то поколении, был «свой» ашуг».

У поэта, вместе с родной землей, всегда много учителей — особенно если у него есть жажда учиться, чтоб вырасти в мастера. Для Исы Исмаилзаде это были самые разные люди: Али Керим, Бахтияр Вагабаде, Мамед Араз. Во многом своим становлением как поэт он обя-

зан Расулу Рзе, который был одновременно и добр, и беспощаден к начинающим. В студенческом общении судьба впервые свела его с Акромом Айлисли: «Я рискнул показать ему свои стихи — какие-то ему понравились, а от других он камня на камне не оставил». Взыскательный и строгий Габиль прежде чем напечатать одно понравившееся ему стихотворение Исы Исмаилзаде, требовал по несколько раз переделывать конец, который казался ему «не тем»: «Вот когда я понял, что такое поэзия! Мне тогда стало ясно: если ты пишешь даже десять строк, в них должно быть все — твоя жизнь, твои мысли, образ, сюжет, а еще — и пространство для читателя: надо и читателю оставить «место» для домысливания, воображения, для сотворчества». Учителями Исы Исмаилзаде были и русские поэты — Маяковский, Пастернак, Ахматова, Цветаева. Мечта — перевести их на азербайджанский, а из современных поэтов ему хочется перевести Мартьянова, Вознесенского, перевел недавно Евтушенко...

Иса Исмаилзаде, входя в поэзию, упорно искал себя самого, причем сознательно, говоря спортивным языком, придавал этим поискам «высокий коэффициент трудности». «Как-то в студенческие годы мне попался сборник Пабло Неруды. Я был потрясен — это было равносильно открытию целого континента, это был особый мир — ошеломляющие метафоры, непривычные образы, необычность мышления. Это был космос, в котором я пребывал целую неделю».

«А я так смогу?» — это чувство соперничества, даже с великим Нерудой (а соперников стоит себе выбирать только таких — великих) обязательно для каждого, кто наделен талантом, считает Иса Исмаилзаде, лауреат премии Ленинского комсомола Азербайджана.

Н. АЙРАПЕТОВА.